

— Твою мать, Линь Цзунцзе! Куда это ты с утра пораньше так несешься, сверкая пятками?

После утренних тестов по физподготовке Ляо Вэй и его компания напрочь лишились желания возвращаться в душные классы. Рассевшись на каменных ступенях у беговой дорожки, парни немного пошушукались и решили не терять времени зря: разбились на две команды по пять человек и прямо там же устроили баскетбольную зарубу.

Заметив Линь Цзунцзе, который, подобно сорвавшемуся с поводка хаски, с диким восторгом нарезал круги по краю стадиона в сторону школьного ларька, друзья невольно призадумались. В последнее время их спортивный староста вел себя, мягко говоря, экстравагантно. Обычно этого парня со спортивной площадки калачом не выманишь — он готов был сутками валяться на траве, гордо заявляя, что его состязательный дух заставляет его «умереть прямо на беговой дорожке». А тут едва закончились нормативы, как его и след простыл.

Вот уже три дня Ляо Вэй никак не мог поймать этого шустрика, чтобы перекинуться хотя бы парой нормальных слов.

— За ручкой! — донесся издали отчаянный вопль, и силуэт Линь Цзунцзе окончательно растаял вдали.

Линь Цзунцзе летел на пределе своих физических возможностей: пулей скатился с четвертого этажа, одолел крутой извилистый спуск и широкими прыжками пересек четырехсотметровый стадион. А все потому, что Хань Линь изволил заявить, будто пишет исключительно гелевыми ручками из канцелярской лавки под седьмым корпусом. И он, наплевав на усталость, припустил во весь опор исполнять каприз своего ненаглядного.

В конце концов, сам нашел себе парня — сам теперь и нянчись. Сам натворил делов — сам и расхлебывай. Добровольно возвел человека в ранг божества — изволь молиться на него шепотом. Линь Цзунцзе не имел ничего против милых обид и капризов со стороны второй половинки, но Хань Линь в своем эгоизме, кажется, переходил все мыслимые границы.

В тот самый день, когда признание увенчалось успехом, на улице лил стеной жуткий ливень. Так этот паршивец подчистую выгреб из карманов Цзунцзе все наличные, чтобы доехать на такси, совершенно не заботясь о том, как его новоиспеченный бойфренд без единого гроша будет добираться домой. На следующее утро ему, видите ли, соевое молоко показалось слишком холодным, и Цзунцзе пришлось из кожи вон вылезти, чтобы раздобыть горячей воды и согреть стакан.

Ладно, это все мелочи жизни, с этим еще можно было примириться.

Но вот то, что Хань Линь безжалостно швырнул ему прямо в лицо...

Что это за чертовщина под названием «любовный контракт», аккуратно и каллиграфически выписанная в самой обычной школьной тетрадке по чистописанию?!

— Это еще что за хрень? — спросил тогда Линь Цзунцзе.

Он только что отобрал у Сун Чэна ланч-бокс, чтобы набрать туда крутого кипятка и согреть соевое молоко для Хань Линя. Молоко еще даже не успело нагреться, как прямо перед его носом возникла эта злополучная тетрадь.

Хань Линь, даже не поднимая взгляда от учебника, невозмутимо отозвался:

— Свод правил, от соблюдения которых зависит, доживешь ли ты в статусе моего парня до выпускного.

Ничего не понимая, Линь Цзунцзе открыл первую страницу. На него смотрел безупречный, радующий глаз каллиграфический почерк Хань Линя. Вот только содержание написанного заставило Цзунцзе едва ли не подпрыгнуть на месте от возмущения.

— «Пункт первый. Заткнуть рты Сун Чэну и остальным четверем олимпийским фува. Если об этих отношениях узнает больше пяти человек — мы расстаемся»? — Цзунцзе лихорадочно принялся загибать пальцы, подсчитывая тех, кто уже был в курсе. Затем он ткнул пальцем сначала в Хань Линя, потом в себя: — Слышь, математик, давай считать: Сун Чэн, Хэ Линьчуань, Су Линь, Юань Юань, Чэнь Кэ, ты и я. Это же уже семеро!

— Мы с тобой временно не в счет.

— Подумаешь, делов-то. Я с парнями позже поговорю, рот им прикрою. Зачем сразу такими крайностями бросаться — «расстаемся», «не расстаемся»? — тихонько проворчал Линь Цзунцзе.

В глубине души он считал, что Хань Линь просто строит из себя недотрогу. Ну ответил бы на признание по-человечески, разве возникли бы проблемы? Обязательно нужно было устраивать этот цирк, выставив его перед друзьями полным дураком? Ладно, пускай. Но тот внезапный страстный обжим при всех — это ведь Хань Линь сам сделал, по собственной воле! Никто его под дулом пистолета не заставлял.

Из-за этой выходки несчастный Сун Чэн теперь при виде «генерального директора Линя» мелко дрожал от ужаса. Бедолага, должно быть, всерьез опасался, что у грозного босса перемкнет клеммы и тот решит убрать ненужного свидетеля.

Опустив глаза ниже, Линь Цзунцзе забубнил следующий пункт:

— «Пункт второй. Прежде чем взять за руку, необходимо сделать устное предупреждение. Запрещено: целовать без спроса, тискать, прижимать к стене...» Мать твою, почему здесь одни запреты?!

— Искореняю твои дурные привычки, — отрезал Хань Линь.

— То есть, чтобы тебя поцеловать, мне теперь нужно официальный запрос отправлять?

— Читай семнадцатый пункт.

Озадаченный Линь Цзунцзе послушно перелистнул две страницы.

— «До наступления совершеннолетия запрещается переходить черту при поцелуях»? Эй, Хань Линь, это уже форменный грабеж! Мы с тобой сколько раз взасос целовались, а ты мне теперь эту постную херню подсовываешь?

— Тогда я действовал под принуждением, — Хань Линь обернулся и снисходительно похлопал парня по плечу. — Потерпи еще годик, стукнет тебе восемнадцать — тогда и целуйся. Но без насилия, без хватания в охапку и без...

— Так, тормози, — Линь Цзунцзе выставил ладонь, призывая к порядку. Смириться с этой рабской конвенцией он решительно не мог. — С какого перепугу целоваться можно только с восемнадцати лет? Где это написано? В Кодексе поведения учащихся средних школ такой бред есть? Что-то я не припомню. Ну-ка, покажи мне! Если найдешь там хоть слово про запрет поцелуев до восемнадцати лет, я, так и быть, подпишу твою филькину грамоту.

— Открой двадцать четвертый пункт.

— Что там еще? — Цзунцзе перелистнул страницу. — «Запрещается использовать ненормативную лексику. Исключить из лексикона слова: "бля", "херня", "твою мать", "сука" и прочие проявления вербального мусора»...

Линь Цзунцзе с размаху швырнул тетрадь на парту и взбунтовался:

— Все, хорош, я это дерьмо больше читать не буду! Я объявляю протест! С хера ли ты тут всё единолично решаешь? Договоры, между прочим, подписывают обе стороны на взаимовыгодных условиях! Сам посмотри, че ты тут настроил. Это «любовный контракт»? Да это... это же чистой воды... это...

— Вот видишь. Учился бы нормально — сейчас хоть какое-нибудь цензурное слово подобрал бы, кроме матерных, — хладнокровно заметил Хань Линь.

Линь Цзунцзе обиженно надулся, в его голосе зазвучали слезливые нотки:

— Да я же в последние дни из учебников вообще не вылезая ради тебя! Ты просто издеваешься надо мной. Не буду я это подписывать.

— А ты загляни в пятьдесят седьмой пункт.

— Не хочу, — буркнул он, демонстративно отвернувшись и сложив руки на груди.

— Да ладно тебе, посмотри, — Хань Линь слегка подтолкнул его плечом. — Там приятный бонус. Обещаю, тебе понравится.

Хань Линь определенно знал, за какие ниточки дергать. Линь Цзунцзе продержался ровно три секунды, после чего со вздохом притянул тетрадь обратно.

— «Пункт пятьдесят седьмой. В исключительных случаях, при острой необходимости, поцелуи допускаются. Лимит времени на один контакт — не более трех секунд»?

Три секунды?!

Да он за три секунды даже рот открыть не успеет!

— Ах ты ж... — Линь Цзунцзе сжал тетрадку до хруста в пальцах. Он уставился на Хань Линя, бешено вращая глазами и с трудом удерживая правую руку, которая так и чесалась щелкнуть этого наглеца по лбу. Если бы не эта идиотская, сумасшедшая влюбленность, он бы этого умника прямо тут придушил.

От бессильной злобы грудь ходила ходуном. Ударить — рука не поднимется, порвать тетрадь — Хань Линь обижется и вообще разговаривать перестанет. Линь Цзунцзе лихорадочно соображал, как выпустить пар. Наконец его взгляд упал на ручку в пальцах Хань Линя. Он резко вырвал ее и с яростным хлопком швырнул на пол.

Вот так! Актом мелкого вандализма Линь Цзунцзе обозначил крайнюю степень своего недовольства, после чего демонстративно насупился.

Хань Линь посмотрел на валяющуюся под ногами ручку, затем перевел взгляд на надутого бойфренда и совершенно спокойно произнес:

— Это была моя единственная черная ручка.

И это не было попыткой раздуть конфликт — чистая правда. Хань Линь всегда носил с собой ровно две ручки: одну черную и одну красную. И вот черная пала жертвой праведного гнева.

— Пиши моей! — буркнул Линь Цзунцзе и, напрочь растеряв всю гордость, пихнул парню свою ручку.

Хань Линь даже не шелохнулся:

— Я с седьмого класса пользуюсь только этой маркой.

— Да какая тебе разница?! Трудно на другую перейти, что ли?

Хань Линь молча и выразительно на него посмотрел.

— Ой, ладно, ладно! Черт с тобой, сейчас принесу!

Вот так, вместо того чтобы покапризничать и выбить себе поблажки, Линь Цзунцзе получил знатный щелчок по носу и был отправлен на побегушки. Именно поэтому Ляо Вэй и наблюдал утренний марафон «президента», летящего во весь опор через всю школу ради одной несчастной ручки.

Благодаря великолепной физической подготовке Цзунцзе обернулся буквально за десять минут. На пороге класса он на секунду припал к косяку, пытаясь перевести дух, после чего расправил плечи, напустил на себя максимально независимый вид и гордой походкой вошел внутрь.

Он-то думал, что Хань Линь сидит без дела и покорно ждет спасителя. Но стоило подойти к парте, как перед ним предстала живописная картина: этот паршивец самым наглым образом строчил ответы в контрольной работе... ручкой Линь Цзунцзе!

Да ладно?!

А как же слезливая история про верность любимому бренду со средней школы?!

Линь Цзунцзе замер, его пальцы, сжимающие новенькую ручку, мелко задрожали. В этот момент он был как никогда близок к тому, чтобы скончаться от инфаркта прямо у школьной доски.

— За всю свою жизнь я еще никогда так сильно не хотел кого-нибудь придушить, — скорбно изрек Линь Цзунцзе.

Над уличными столиками шашлычной на перекрестке проносился зябкий вечерний ветерок. Цзунцзе с глубокой тоской в глазах созерцал темный горизонт, высоко держа пластиковый стаканчик с пивом. Как говорится, один неверный шаг — и пиши пропало. Нашла коса на камень, на каждого хитреца довольно простоты... Тьфу ты, опять мысли не в ту степь занесло!

Хань Линь определенно был дьяволом, которого небеса ниспослали лично для его истязания. Не прошло и недели с тех пор, как они объявили себя парой, а Линь Цзунцзе уже лишился половины здоровья, при этом не смея даже пикнуть против своего мучителя.

Хэ Линьчуань долго и скептически разглядывал приятеля, строившего из себя трагического героя, а потом не выдержал:

— Слышь, философ, ты этот стакан уже минут тридцать на весу держишь. Пить-то собираешься или как?

Линь Цзунцзе со вздохом опустил руку:

— Просто держу. Пункт двадцать второй семейного кодекса: до окончания школы алкоголь под строжайшим запретом.

Присутствующие хором переспросили:

— Семейного кодекса?!

Разумеется, вываливать перед пацанами позорные подробности «любовного контракта» Линь Цзунцзе не собирался — самолюбие не позволяло. Поэтому он решил выразиться солиднее: обозвал эту писанину семейным уставом.

— Пункт первый нашего соглашения: о том, что мы встречаемся, должно знать не более пяти человек. Сейчас, если считать Сун Чэна и вас четверых, лимит исчерпан подчистую, — Линь Цзунцзе выразительно провел большим пальцем по горлу. — Лишних слов говорить не буду, намек понятен?

Хэ Линьчуань небрежно махнул рукой:

— Да ладно тебе, кому придет в голову трепаться об этом?

— Я могила, — прижал ладонь к груди Юань Юань.

— За мою конфиденциальность можете не переживать, я партизан со стажем, — отрапортовал Чэнь Кэ.

Су Линь промолчал.

За столом повисла зловещая тишина. Все четверо синхронно повернулись к молчальнику. Линь Цзунцзе почувствовал, как внутри у него все леденеет, а голос предательски задрожал:

— Слышь... Су Линь... Только не говори, что ты кому-то разболтал.

Су Линь нервно сглотнул и промямлил:

— Ну... Лу... Лу Цинюань.

— Твою же мать! — если бы Хэ Линьчуань вовремя не перехватил его руку, Линь Цзунцзе раздавил бы пластиковый стакан прямо в кулаке. — Какого хера ты ей-то проболтался?!

— Так она сама прицепилась с расспросами! — попытался оправдаться Су Линь.

— Она спросила — и ты сразу все выложил?! Да если она разнесет это по школе, мне как перед Хань Линем оправдываться?

— Ну... может, обойдется?

— Обойдется?! — взвился Линь Цзунцзе. — Ты хоть понимаешь, насколько всё на волоске висит? Стоит этой девке открыть рот, и Хань Линь со мной в ту же секунду порвет! Тебе ли не знать, какая она балаболка? Дай ей только повод — такой хайп поднимет, костей не соберем!

Видя, что дело принимает скверный оборот, Хэ Линьчуань пихнул притихшего Су Линя в бок:

— Ладно тебе орать, слезами горю не поможешь. Су Линь, ты реально косякнул. Давай, быстро пиши Лу Цинюань и сделай так, чтобы она держала язык за зубами.

Линь Цзунцзе резко поднялся, с размаху хлопнув ладонью по столу:

— Если эта хрень дойдет до ушей Хань Линя, можете сразу заказывать себе гробы.

Он резко развернулся, закинул рюкзак на одно плечо и зашагал прочь. Его одинокий силуэт в тусклом свете осенних фонарей выглядел на редкость жалко и сиротливо.

Хэ Линьчуань опешил от такой наглости и крикнул ему вслед:

— Эй, господин президент! Валишь — вали, а за шашлык кто платить будет?!

— У меня ни копейки! — отозвался из темноты Линь Цзунцзе. — Жёнушка обобрала до нитки!